

УДК 911.3

DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-3-167-173

География детства как новое исследовательское направление

Л. Толвайшис¹, А. Г. Филипова²✉

¹ Университет «Унион — Никола Тесла», 11000, Сербия, Белград, ул. Травничка, д. 2

² Дальневосточный федеральный университет, 690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8

Сведения об авторах

Леонас Толвайшис,
Scopus AuthorID: 37017371100,
e-mail: leonas.tolvaisis@fdb.rs

Александра Геннадьевна
Филипова,
SPIN-код: 7231-0990,
Scopus AuthorID: 57190731212,
ORCID: 0000-0002-7475-1961,
e-mail: Alexgen77@list.ru

Для цитирования:

Толвайшис, Л., Филипова, А. Г.
(2019) География детства как
новое исследовательское
направление. *Комплексные
исследования детства*, т. 1, № 3,
с. 167–173.
DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-
3-167-173

Получена 17 октября 2019;
прошла рецензирование 2 ноября
2019; принята 2 ноября 2019.

Финансирование: Работа
поддержана грантом РФФИ
№ 18-00-00976.

Права: © Авторы (2019).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье раскрываются исторические и методологические основы становления и развития географии детства за рубежом. Это направление сформировалось на стыке гуманитарной географии и новых социальных исследований детства. Оно зародилось в начале 70-х гг. XX в. под влиянием психологии развития и психологии среды в рамках географической науки в Соединенных Штатах Америки. Следующая фаза развития географии детства связана с принятием Конвенции ООН «О правах ребенка», признанием субъектности ребенка, политизацией темы прав ребенка. Современный этап географии детства характеризуется формированием междисциплинарных исследовательских направлений. В фокусе — понимание современной жизни детей через изучение пространства, места и масштаба.

География детства тесно соприкасается с географией молодежи, хотя последняя имеет больший выход на макроуровень, а географию детства часто обвиняют в излишнем внимании к микроуровню.

Перспективными областями исследований географии детства являются:

- память, эмоции, аффекты, близость и уязвимость, которые подразумевают автоэтнографический и творческий подход;
- игра, забава и забота (методологически могут выражаться во внедрении игровых методов исследования);
- материальная и популярная культура — значимые предметы повседневной жизни детей.

Для методологии географии детства характерно вовлечение детей в исследовательский процесс в качестве со-исследователей. В географии детства наряду с количественными (анкетирование и тесты достижений) и качественными методами (интервью, детские рисунки, фокус-группы, включенное наблюдение, этнографическое исследование) используется метод картирования. От исследователя требуется эмоциональная рефлексивность, которая помогает ему настраиваться на ребенка-респондента, улавливать его настроение, а впоследствии понимать, как дети воспринимают исследователей в своих мирах и почему они делятся с ними информацией, а также интерпретировать полученные данные и конструировать смыслы.

Пространственный взгляд на детство стимулирует обращение к новой исследовательской оптике, а также междисциплинарное сближение исследователей, в первую очередь, географов, социологов и педагогов.

Ключевые слова: география, география детства, методология географии детства, эмоциональная рефлексивность, методы исследования.

The geography of childhood as a new research area

L. Tolvaišis¹, A. G. Filipova^{✉2}

¹ Union — Nikola Tesla University, 2 Travnička Str., Belgrade 11000, Serbia

² Far Eastern Federal University, 8 Sukhanova Str., Vladivostok 690950, Russia

Authors

Leonas Tolvaišis,
Scopus AuthorID: 37017371100,
e-mail: leonas.tolvaisis@fdb.rs

Alexandra G. Filipova,
SPIN: 7231-0990,
Scopus AuthorID: 57190731212,
ORCID: 0000-0002-7475-1961,
e-mail: Alexgen77@list.ru

For citation: Tolvaišis, L.,
Filipova, A. G. (2019) The geography
of childhood as a new research area.
Comprehensive Child Studies, vol. 1,
no. 3, pp. 167–173.
DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-
3-167-173

Received 17 October 2019;
reviewed 2 November 2019;
accepted 2 November 2019.

Funding: The study was supported
by RFBR (project no. 18-00-00976).

Copyright: © The Authors (2019).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article reveals the historical and methodological foundations for the development of the geography of childhood abroad. This research area, formed at the intersection of humanitarian geography and new social research of childhood, was born in the early 1970s within the framework of geographical sciences in the United States of America under the influence of developmental psychology and environmental psychology. The next phase of the scientific area's development is associated with the adoption of the United Nations Convention on the Rights of the Child, the recognition of the subject matter of the child and the politicisation of the topic of children's rights. The modern stage of the geography of childhood is characterised by the development of interdisciplinary research areas with the focus on understanding children's modern lives through exploring space, place and scale.

The geography of childhood is closely connected with the geography of young people, although the latter has more access to the macro level, while the geography of childhood is often criticised for its excessive attention to the micro level.

Promising areas of research in the geography of childhood are:

- memory, emotions, affects, proximity and vulnerability which imply autoethnographic and creative approach;
- games, entertainment and care (methodologically expressed by introducing game methods of research);
- material and popular culture — significant objects of children's everyday lives.

The methodology of the geography of childhood is characterised by the children's involvement in the research process as co-researchers. Here, qualitative methods (interviews, children's drawings, focus groups, included observation, and ethnographic study), and the mapping method are used along with quantitative methods (questionnaires and achievement tests). The researcher needs emotional reflexivity, which enables him to adjust to the child respondent, capture his mood, and subsequently understand how children perceive researchers in their **worlds** and why they share information with them as well as interpret the obtained data and design meanings.

The spatial view of childhood encourages the application of new research optics as well as an interdisciplinary convergence of researchers, primarily geographers, sociologists and educators.

Keywords: geography, the geography of childhood, the geography of childhood methodology, emotional reflexivity, research methods.

Введение

География детства (geography of childhood) — это активно развивающаяся за рубежом область исследований взаимоотношений детства и пространства, сформировавшаяся на стыке гуманитарной географии и социальных исследований детства. Пространственный поворот к детству пришелся на 1990-е гг. Это было связано с проблемами **исчезновения детей с улиц города**, набирающей обороты институционализацией и инсуляризацией детства (помещением детей

в защищенные изолированные городские пространства), распространением явления глобального детства, изменением пространственных представлений детей и пр. В зарубежной науке и практике география детства часто сливается с географией молодежи и семьи.

С 2003 г. издается журнал *Children's Geographies*. Данный журнал — международный и междисциплинарный дискуссионный форум по вопросам географических миров детей, молодежи и их семей. Журнал является площадкой для дискуссии на социально-исторические,

политические, правовые, методологические и этические темы, связанные с детьми, молодежью и семьей.

Отдельные выпуски журнала стали объектом настоящего исследования, целью которого обозначено выявление исторических и методологических основ географии детства, а также определение ключевых подходов к пространственному рассмотрению детей и детства.

История развития

Концепция географии детства в своем развитии прошла три фазы (Skelton 2019). Первые идеи зародились в начале 70-х гг. XX в. в рамках географической науки в Соединенных Штатах Америки под влиянием психологии развития и психологии среды, где интерес уделялся разнообразию мест и сред детского опыта (Hart 1979). В 70–80-е гг. внимание исследователей обращается к осознанию места, географическим знаниям, способностям к ориентированию в пространстве и способам взросления детей. Критика научной обоснованности методологии географий детства, основанной на разговорах с детьми, парадоксальным образом способствовала их взлету, так как с помощью количественных методов не удавалось получить удовлетворительных ответов на исследовательские вопросы. Предметом исследований становились детские способности картирования, однако дискуссии относительно критической оценки способов социального и пространственного конструирования жизни, опыта, взглядов и возможностей детей начались на следующем этапе, когда распространение получили идеи социально конструируемых пространств и пространственно конструируемых социальных сфер (James 1990).

Во второй фазе, с начала 90-х гг., распространились феминистский и марксистский подходы географов к идентичности молодых людей и различным способам их познания, а также политизация темы посредством глобальных инициатив в области прав ребенка, субъектности детей и молодежи. Выход географии детства на мировую научную арену обусловлен подписанием Конвенции о правах ребенка ООН в 1989 г. и становлением новой социологии детства, в рамках которой дети рассматриваются не с точки зрения становления взрослыми, однако за ними признаются полноценная онтология, набор прав и привилегий. Ввиду необходимости применения конвенции возросла актуальность вопросов определения понятий «ребенок» и «детство», пересмотра социологических, антропологических и поли-

тических понятий детства с точки зрения пространства и места, а также вовлечения детей в процесс принятия решений. Развитию новой социологии детства способствовали дискуссии относительно эффективности Комитета по правам ребенка. Наблюдается отход от рассмотрения детей как вторичного феномена по отношению к действиям родителей. Внимание исследователей обращается к взаимосвязи детей и социальных, культурных, экономических перемен. Исследования детства затрагивают темы демократии, справедливости, гражданства, разнообразия и диалектики локального и глобального начал.

В третьей фазе развития географии детства, приходящейся на два десятилетия XXI в., рассматриваются проблемы политической идентичности, знаний о молодых людях и их географиях, способов создания и воссоздания молодыми людьми пространств и себя самих. Положено начало многим междисциплинарным направлениям исследований, от особенностей ухода за младенцами до детского труда, детей-военнослужащих, миграции, мобильности, образования, молодежной активности. Понятие «пост-детство» подразумевает перенос акцента с ребенка, становящегося взрослым, на **инаковость** ребенка (Aitken 2018). Исследуются способы вовлечения голоса и субъектности ребенка в процесс принятия решений, альтернативные образовательные программы как фактор повышения гражданского участия.

К 90-м гг. географы, изучающие социально-пространственные аспекты жизни детей, преуспели в продвижении и теоретической разработке географических измерений в социальных исследованиях детства, наряду с антропологическими исследованиями и исследованиями развития работы с молодежью, живущей в различных и часто сложных условиях. В целях понимания стратегий выживания детей особое значение приобрели география и мобильность молодых людей в условиях уязвимости, опыта бедности, неравенства и ограниченных возможностей реализации прав. В дискуссиях на вышеупомянутые темы поднимаются вопросы неравного доступа к образованию, устойчивым средствам к существованию, влияния экономических кризисов, опасных заболеваний и прочих бедствий, характеризующих жизненный опыт детей и молодежи. Внимание к деталям ежедневной жизни детей уделяется не только в концептуальных и методологических целях, но также в целях поощрения признания места детей в обществе, их права на адекватное исследование, уникальности миров детства,

а также внесения вклада в географические теории. Изучение географии молодости все активнее проникает в субдисциплины географии. Для ее дальнейшего концептуального и теоретического развития необходима точка срачивания.

География детства сегодня

На исследовательской повестке дня географии детства стоят вопросы о том, каким образом трансформируется современная жизнь детей. Комплексные и разнообразные смыслы и жизненный опыт молодежи являются предметом споров различных субъектов. Изучается влияние постоянно изменяющегося глобального ландшафта экономики, политики, коммуникаций и путешествий на жизнь детей. Выявлены направления, в которые географы могут привнести концептуализацию опыта жизненного этапа детства касательно пространства, места и масштаба.

География детства подвергалась критике за чрезмерное фокусирование на микроуровне, тогда как география молодости была быстрее вовлечена в более широкие дискуссии. Звучали призывы к признанию ограниченности пространств перцепции и действия детей. Географам молодости, напротив, удалось быстрее продемонстрировать, как молодые люди создают свои собственные глобальные географии, иногда носящие весьма локальный характер и сопровождающиеся тактикой сопротивления. В географии молодости наблюдалась не только растущая критическая масса исследований, выходящая за рамки ранних теорий делинквентности (отклоняющегося поведения, связанного с нарушением правовых норм) 1960-х гг. в криминологии и социологии. Она также предоставила возможность исследовать сквозь призму географии повседневную жизнь молодежи во множестве контекстов, формирование опыта и исследование географии более молодых людей, открывать новые направления для социальных наук. В географии молодости подчеркивалось значение пространства, места, масштаба и мобильности для реального понимания различных молодежных культур как локальных, так и глобальных мест сопротивления, формирование повестки для географов, концептуализирующих молодежь как создающую различные пространственные идентичности в значимых для них местах и посредством их (Kraftl, Horton 2019). География молодости в силу своего междисциплинарного положения внесла значимый вклад в более широкие дебаты об идентичности, относительности, временном

аспекте и мобильности, а также в изучение последствий экономического кризиса, социальных и политических изменений (Naafs, Skelton 2018). Специфика времени и пространства взросления человека проливает свет на различия и противоречия вокруг вопросов пола, расы и инвалидности, а также то, как они проявлялись посредством сопротивления различного масштаба — от местного (включая вопросы человеческого тела) до глобального. Тем не менее к настоящему времени становление географии молодости в качестве субдисциплинарного поля еще не произошло. Ведется работа над упрочением идентичности географии молодости и глобальной теоретической модели. Развитие межпоколенческих исследований в географии поспособствовало абсорбции исследований молодежи более широкими рамками географии возраста, а также географии семейной жизни (Valentine 2019).

Наблюдается перенос акцента с простого понимания молодежи в контекстах обычных концептуализаций, представлений о мобильности, пространственности и временном аспекте на необходимость учиться у молодежи формированию теорий и концептов о ней. Основной вызов для географов молодости на ближайшее десятилетие будет сопряжен с осознанием меняющегося ландшафта молодого населения и **деколонизации мышления**, т. е. концептуального представления о том, что такое молодежь, без умаления важности экономических, социальных и политических контекстов (van Blerk 2019).

В свою очередь, среди недостаточно изученных перспективных направлений географии детства особо отмечают:

- память, эмоции, аффекты, близость и уязвимость, которые подразумевают автоэтнографический и творческий подход;
- игра, забава и забота (методологически могут выражаться во внедрении игровых методов исследования);
- материальная и популярная культура — значимые предметы повседневной жизни детей (например, игрушки, их отображение в детской литературе).

Внимание географов детства в последнее время обращается к способам бытия, работы и письма, не обремененных рациональностью и причинностью. Общепринятые правила мышления и действия ставятся под вопрос. Звучат призывы к преодолению оторванности исследования от мира игрушек и ролей, которые они

играют в жизни детей. Материальные объекты признаются не нейтральными, но связанными с культурами, политикой, социальными идентичностями и пространственностью, и, в силу своего географического значения, перспективными предметами анализа. Обращает на себя внимание важность, придаваемая игре и сопровождающему ее духу жизненности и радости. Игра содействует пониманию деталей жизни детей и молодежи, что позволяет увидеть глубинные корни и познание материальности. Она дает знания о существовании вещей, символизирующих больше, чем они есть на самом деле, и обладающих эмоциональной силой, которые могут быть отрицательными или же заключать в себе потенциал надежды на счастье, радость и игру.

Контекстом многочисленных исследований географии детства выступает сила политики, выражающейся в пространственных историях (Harju 2018), а также различных траекторий детства в контексте социального неравенства, нередко привычных для детства финансовых кризисов, которые могут находить выражение в чувстве стыда, вызываемом бедностью, и осознании необходимости тяжело трудиться, чтобы ее избежать. Целью географии детства в таком контексте является выявление неравенства и стремление изменить контекст, в котором многие дети живут в бедности, а многие молодые люди откладывают принятие важных жизненных решений в поисках достойно оплачиваемой работы.

Методология географии детства

Для методологии географии детства характерно вовлечение детей в исследовательский процесс в качестве со-исследователей и выявление методов, позволяющих взглянуть на предмет исследования глазами ребенка (Honkanen, Poikolainen, Karlsson 2018; McNamee 2016) и соблюсти право ребенка на корректное исследование. В основу методологии закладывается диалог с ребенком, а также вовлечение родителей в исследовательский процесс. Большое значение придается благоприятным для детей — «деторазмерным» (*child-framed*) методам исследования.

Сбор информации в исследованиях географии детства может осуществляться как качественными, так и количественными методами. Из качественных методов распространены интервью, фокус-группы, включенное наблюдение, case study, тематический анализ, этнографическое исследование (Allerton 2016; Hashemi, Sánchez-

Jankowski 2013), анализ рисунков, фотографий (Hackett, MacRae, McCall et al. 2018) и театральных постановок (Roerig, Evers 2019); лонгитюдные исследования. Например, игра с детьми и их игрушками в их доме, а также прогулки по маршрутам, планируемым детьми, позволяют им выразить, какие места представляют для них важность и почему, а исследователю — посмотреть на происходящее в исследуемых местах глазами детей и принять во внимание детский взгляд на будущее этих мест (Irvine, Lee 2018).

В исследованиях эмоционального фона особую важность приобретают нарративный анализ и этнографические методы картирования опыта детей. В поиске подходов к концептуализации городского пространства и при изучении практических задач применяется также когнитивное картирование города (Monk 2019). Так, неконвенциональный подход к урокам литературы предполагает изучение учащимися пространственных идентичностей в целях глубинного прочтения богатого литературного наследия, охватывающего произведения, действие которых происходит в родном городе учащегося. В целях стимулирования дискуссии участники могут документировать места своей игры. Дискурс-анализ и нарративный анализ используются в исследованиях **конструирования** ребенка в публичном дискурсе и частных нарративах. Речь и жестикация ребенка рассматриваются как выражение смыслов, объединенных и распряделяемых межпоколенческой сетью в рамках исследуемых пространств.

Широко используется автоэтнографический метод, предполагающий детство исследователя («автопортрет») в качестве основного либо дополняющего объекта исследования.

Количественные и качественные методы в географии детства дополняют друг друга. В географии детства используются такие количественные методы, как тесты достижений, анкетирование и пр.

От географа детства требуется эмоциональная рефлексивность. Позиционирование исследователя и его отношения с ребенком влияют на сбор и анализ данных. **Взрослость** исследователя сказывается на собранных данных с позиции личности исследователя и того, как дети-участники рассматривают его в рамках своих местных культурных контекстов. Подчеркивается необходимость нейтрального подхода исследователя при изучении эмоций детей. Часто исследователи носят **маску**, чтобы сгладить дискомфорт у детей, рассказывающих свои истории. Рекомендуется воздерживаться от концептуализации детей как отвлеченных

объектов. Для исследователя важно продемонстрировать эмоциональную рефлексивность, помогающую понять, как исследователи воспринимают и создают смыслы в полевом исследовании детства, а также как дети воспринимают исследователей в своих **мирах** и почему они делятся с ними информацией. Это особенно важно для культур, где на встречу ребенка и взрослого накладывается отпечаток поколенческого уважения. В приводимых в статьях автоэтнографических справках представлены результаты саморефлексии исследователей. Сообщается, как сами ученые понимают свою эмоциональную позиционированность, эмоциональные вызовы в полевом исследовании и пути их решения, каково отношение детей к ним и как оно влияет на процесс исследования как в ходе его проведения, так и в ходе написания и анализа. Эмоции взрослого исследователя и позиционирование исследователя как взрослого критически оцениваются в любой разработке эмоциональной информации детей. В детоцентричном исследовании приоритет отдается опыту и мнениям молодых людей, но анализ детских эмоций побуждает учесть, **кто такой** исследователь. Дети нередко делятся информацией о своих мыслях и чувствах субъективно, принимая во внимание, кем является исследователь по классовой, половой, возрастной или этнической принадлежности. Так, если исследователь приходится ребенку **братом** и **другом**, респонденты делятся с ним чувствами в атмосфере доверия и воображаемого родства. Если исследователь **друг мамы**, ребенка это обстоятельство может побудить к вежливости и соблюдению принципа помощи старшим. Умение **подобрать ключ** к детям — участникам исследования — залог достоверности собранных данных. Так, инсайдерская привилегия знания о происходящем в различных актуальных для детей средах может сделать исследователя **хранителем тайн**. Состав исследовательской команды оказывает большое влияние на образование фокус-групп.

В детоцентричной методологии картирования эмоциональной реальности детей (обзор чувств страха и моментов радости у ребенка) большое значение придается эмоциональному опыту ребенка и способам его артикуляции ребенком (Khan 2018). В ходе детоцентрического исследования эмоций позиционирование исследователя подвергается рефлексивной критике.

Эмоции рассматриваются как «подвижное знание» (Huijsmans 2018). Культурная сенсibilизация и концептуализация пересекающихся понятий места и личности/индивидуальности считаются предпосылкой совершенствования формата участия ребенка в исследованиях, образовательном процессе и пр. Грамотное управление этим форматом позволит развить уважительное понимание детского опыта, выявлять и устранять ограничения партиципаторного подхода в образовательном пространстве, формировать «безопасные пространства исследования» (Fay 2018).

Отдельной областью исследований географии детства является развитие методологии в контексте права ребенка быть адекватно исследуемым. Особое внимание уделяется зародившимся на местах локальным партиципаторным подходам исследования работы с детьми на основе широкого участия (Skelton 2018). Методология и приоритеты исследований детства разрабатываются в контексте реализации Конвенции о правах ребенка (Конвенция о правах ребенка 1989). Налицо движение от концепции ребенка как «гражданина в процессе становления» в сторону концепции ребенка как гражданина (McNamee 2016).

Заключение

География детства как новое исследовательское направление, сформировавшееся на стыке гуманитарной географии и социальных исследований детства, привлекает внимание к взаимодействиям детей и пространств/мест. Эти взаимодействия можно рассматривать под разными углами — с точки зрения пространственного конструирования неравенства детства относительно мира взрослых, освоения и присвоения детьми окружающих мест, процесса идентификации с этими местами; ориентации детей в разных пространствах, прав детей на пространства и отстаивание этих прав; пространственных ограничений детства, установления границ, удерживания детей в безопасных, надежных местах и т. п. Пространственный взгляд на детство стимулирует обращение к новой исследовательской оптике, а также междисциплинарное сближение исследователей, в первую очередь географов, социологов и педагогов.

References

- Aitken, C. S. (2018) Children's geographies: Tracing the evolution and involution of a concept. *Geographical Review*, vol. 108, no. 1, pp. 3–23. DOI: 10.1111/gere.12289 (In English)
- Allerton, C. (ed.). (2016) *Children: Ethnographic encounters*. London; New York: Bloomsbury Academic, 200 p. (In English)
- Fay, F. (2018) The impact of the school space on research methodology, child participation and safety: Views from children in Zanzibar. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 4, pp. 405–417. DOI: 10.1080/14733285.2017.1344770 (In English)
- Hackett, A., MacRae, C., McCall, K. et al. (2018) Coda: Posthumous conversations. A reading group to discuss the work of Dr Elee Kirk. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 5, pp. 571–577. DOI: 10.1080/14733285.2018.1497142 (In English)
- Harju, A. (2018) Children practising politics through spatial narratives. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 2, pp. 196–207. DOI: 10.1080/14733285.2017.1350635 (In English)
- Hart, R. (1979) *Children's experience of place*. New York: Irvington Publishers, 518 p. (In English)
- Hashemi, M., Sánchez-Jankowski, M. (eds.). (2013) *Children in crisis: Ethnographic studies in international contexts*. New York: Routledge, 140 p. DOI: 10.4324/9780203387764 (In English)
- Honkanen, K., Poikolainen, J., Karlsson, L. (2018) Children and young people as co-researchers — Researching subjective well-being in residential area with visual and verbal methods. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 2, pp. 184–195. DOI: 10.1080/14733285.2017.1344769 (In English)
- Huijsmans, R. (2018) “Knowledge that moves”: Emotions and affect in policy and research with young migrants. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 6, pp. 628–641. DOI: 10.1080/14733285.2018.1468869 (In English)
- Irvine, R. D. G., Lee, E. (2018) Over and under: Children navigating terrain in the East Anglian fenlands. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 4, pp. 380–392. DOI: 10.1080/14733285.2017.1344768 (In English)
- James, S. (1990) Is there a “place” for children in geography? *Area*, vol. 22, no. 3, pp. 278–283. (In English)
- Khan, A. A. (2018) From the peaks and back: Mapping the emotions of trans-Himalayan children education migration journeys in Kathmandu, Nepal. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 6, pp. 616–627. DOI: 10.1080/14733285.2018.1479732 (In English)
- Konventsiya o pravakh rebenka. Prinyata rezolyutsiej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 noyabrya 1989 goda [Convention on the Rights of the Child: adopted by UN General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989]*. (1989) [Online]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed 02.10.2019). (In Russian)
- Kraftl, P., Horton, J. (2019) Neon bright: *Cool Places*, youth cultures and hopeful political-theoretical futures. *Children's Geographies*, vol. 17, no. 1, pp. 17–23. DOI: 10.1080/14733285.2018.1536255 (In English)
- McNamee, S. (2016) *The social study of childhood*. London; New York: Palgrave, 224 p. (In English)
- Monk, J. (2019) Mapping the soft city: Using cognitive mapping to respond to London-based literature and explore the construction of teenage place-related identity. *Children's Geographies*, vol. 17, no. 2, pp. 162–176. DOI: 10.1080/14733285.2018.1471448 (In English)
- Naafs, S., Skelton, T. (2018) “Youthful futures? Aspirations, education and employment in Asia”. *Children's Geographies*, vol. 16, no. 1, pp. 1–14. DOI: 10.1080/14733285.2018.1402164 (In English)
- Roerig, S., Evers, S. J. T. M. (2019) Theatre Elicitation: Developing a potentially child-friendly method with children aged 8–12. *Children's Geographies*, vol. 17, no. 2, pp. 133–147. DOI: 10.1080/14733285.2017.1407404 (In English)
- Skelton, T. (2018) FOREWORD. Playfulness in geography: Respite from neo-liberalism in the academy? *Children's Geographies*, vol. 16, no. 4, pp. 444–445. DOI: 10.1080/14733285.2018.1457707 (In English)
- Skelton, T. (2019) Youthful geographies: From *Cool Places* to hyperdynamic Asia. *Children's Geographies*, vol. 17, no. 1, pp. 24–27. DOI: 10.1080/14733285.2018.1535696 (In English)
- Valentine, G. (2019) Geographies of youth — a generational perspective. *Children's Geographies*, vol. 17, no. 1, pp. 28–31. DOI: 10.1080/14733285.2018.1535697 (In English)
- van Blerk, L. (2019) Where in the world are youth geographies going? Reflections on the journey and directions for the future. *Children's Geographies*, vol. 17, no. 1, pp. 32–35. DOI: 10.1080/14733285.2018.1535695 (In English)